

ГЛАВА IX.

ПСИХОФИЗИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО: ПСИХИКА ОСОБОЕ, НЕ ТОЖДЕСТВЕННОЕ С ФИЗИОЛОГИЕЙ, НЕОТДЕЛИМОЕ СВОЙСТВО НЕРВНО-МОЗГОВОЙ МАТЕРИИ.

Выяснение положительного взгляда Плеханова на психофизическую проблему, на отношение субъективного и физиологического в нервно-мозговой материи, мы начнем с анализа тех определений характера связи между ними, которые Плеханов дает и которые, с первого взгляда, могут многих спутать и многих действительно спутали.

1. Все эти определения можно разделить на две группы: 1) определения, относящиеся к психике и как явлению общественному, и как свойству нервно-мозговой материи, и 2) определения, относящиеся только к психике, как свойству нервно-мозговой материи. К первым относятся определения: «следствие», «продукт», «результат», «производное», «сторона», а ко вторым определения: «функция», «деятельность», «процесс» «атрибут», «предикат», «свойство», «состояние». Поэтому мы постараемся: 1) выяснить, в каком смысле Плеханов применяет одни и те же определения и для психики как явления общественного порядка и для психики как явления природы, 2) выяснить, как он понимает те определения, которые он дает психике только как явлению природы, и 3) связать воедино, привести, так сказать, к одному знаменателю все определения, поскольку они относятся к психике как явлению природы.

Психика как следствие объективного общественного бытия является последующим во времени, так как она отражает ранее существующий объективный мир. Далее психика, как следствие объективного общественного бытия, представляет собой также и отдельно от последнего, в другой плоскости протекающее явление, так как объективное общественное бытие, отражающееся в психике, протекает вне нашего организма, а субъективное его отражение—внутри нашего организма. Но когда Плеханов утверждает, что психика вызывается физиологическим процессом, что она является следствием физиологии, то он в то же время солидаризируется с Фейербахом, что точнее говорить «не следствие, а свойство». Но свойство материи неотделимо от материи.

Таким образом как следствие общественного бытия психика представляет собою явление последующее, отдельное, раздельное от послед-

него; в отношении же к материи, как ее следствие, точнее как ее свойство, психика представляет собой явление, неотделимое от материи, не существующее отдельно, раздельно, вне материи ни в пространстве, ни во времени.

Далее, как результат, продукт, производное от вне нас лежащего объективного общественного бытия, психика, протекая внутри нас, представляет собой явление зависимое, но протекающее раздельно от отражаемого общественного бытия и последующее во времени. Когда же Плеханов говорит, что психические явления представляют собой результат, продукт, производное деятельности человеческого организма, то он в то же самое время соглашается с Фейербахом, что мышление есть деятельность мозга¹. Но если мышление определяется то как результат деятельности мозга, то как деятельность мозга, то ясно, что перед нами неточность формулировок, но что по существу Плеханов этими определениями утверждает только одно, а именно, что мышление имеется у нас при деятельности мозга, когда мозг находится в состоянии деятельности, что оно не представляет собой явления отдельного, раздельного (во времени и пространстве) от деятельности мозга, что оно представляет собой свойство деятельного, действующего мозга.

Точно так же, когда Плеханов называет психику субъективной стороной общественного бытия, практической деятельности человека, то речь идет о раздельности, ибо в то время как объективное бытие, конкретная практическая деятельность, существует и совершается вне нашего организма, психика совершается внутри нашего организма. Но когда Плеханов говорит о субъективной стороне в отношении психофизической проблемы, то о такой раздельности нет и речи. Это видно из того, что Плеханов солидаризируется с мыслью Фейербаха, что то, «что для меня субъективно, есть чисто духовный, нематериальный, нечувственный акт, то само по себе объективно, есть акт материальный, чувственный».

Таким образом мы считаем, что определения «следствия», «результат», «продукт», «сторона», употребляемые Плехановым для характеристики психики и как явления общественного порядка и как явления природы, имеют в обоих случаях разный смысл, разное значение. В первом случае они характеризуют психику как явление зависимое, но протекающее раздельно (во времени и пространстве) от объективного бытия, от конкретной деятельности, во втором же случае они характеризуют психику как неотделимое, нераздельное (во времени и пространстве) от физиологических процессов свойство, проявляющееся при деятельности мозга.

Таков ответ на первый, указанный нами в начале главы вопрос.

Теперь перейдем к тем определениям, которые Плеханов дает только в отношении психики, как явления природы, а именно: «функция», «процесс», «атрибут», «предикат», «свойство», «состояние».

Плеханов, с одной стороны, соглашается с Гексли, что «то, что называется деятельностью духа, есть совокупность мозговых

¹ Т. XVIII, стр. 196.

функций»¹, что «сознание подобно движению есть функция материи»², а с другой, он заявляет, что психические явления представляют собой результат деятельности организма³.

Таким образом Плеханов то говорит о функции, функционировании, деятельности мозга, то о продуктах, результатах функционирования, деятельности. Но если мы вспомним, что Плеханов отвергал, как грубый, вульгарный материализм, мысль о том, что психика выделяется из мозга, как желчь из печени, то станет ясно, что он не может и не должен быть понят в том смысле, что психика есть результат, продукт функционирования, деятельности, как нечто отдельное, раздельное от функционирующего, деятельного мозга, что мысль его означает только одно, а именно, что наши субъективные переживания суть неотделимые свойства функционирующего, действующего мозга.

Мы считаем далее, что когда Плеханов говорит о психическом и физиологическом, как о двух сосуществующих, сопровождающих друг друга процессах⁴, то и в этом случае речь идет только о неточности выражения, а не о действительном признании двух раздельных процессов, ибо в споре с Петцольдом, где Плеханов говорит о двух сопровождающих друг друга процессах, он определяет их в то же время как «оборотные стороны одного и того же процесса»⁵, а две стороны в отношении единого психофизического процесса означают неотделимое, нераздельное в единой материи в ее состоянии процесса, движения, деятельности, функционирования. Это видно также из того, что Плеханов соглашается с Чернышевским, что «движение известных частей организма, вызывающее известное ощущение, не тождественно с последним, а представляет объективную сторону того же самого явления, которое с субъективной стороны, т. е. существу, в котором совершается этот процесс, представляется как ощущение»⁶. При восприятии внутри нас происходит только один процесс. Как материальный, физиологический процесс, он является процессом объективным—это и есть то, что Плеханов называет объективной стороной. Но этот объективный физиологический процесс, совершающийся в нашем мозгу, воспринимается самим организмом субъективно, внутренне, в форме присущего ему особого естественного проявления—внутреннего, субъективного переживания. Это последнее Плеханов и называет субъективной «стороной», что, по Плеханову, означает только неотделимое свойство. Таким образом психика представляет собой не раздельно от физиологии протекающий процесс, а только обратную, а именно, внутреннюю, субъективную сторону физиологического процесса, точнее, его особое, своеобразное, неотделимое, нераздельное, внутреннее, субъективное свойство.

Таков же смысл и термина «атрибут», принимаемого Плехановым.

¹ Т. XI, стр. 112.

² Т. V, стр. 198.

³ Т. XVII, стр. 123.

⁴ Там же.

⁵ Т. V, стр. 198—199.

⁶ Там же.

Мы видели, что в споре с Петцольдом Плеханов отвергает психофизическое взаимодействие потому, что субъективное и физиологическое являются одновременно наличествующими, но не порождающими друг друга атрибутами, представляющими собой, как он выражается в другом месте, «сопринадлежности единого целого»¹. Но, как мы видели, атрибут мышления зависит от атрибута протяжения, т. е. является по существу для Плеханова чем-то вторичным.

Следовательно, по Плеханову, атрибут означает неотделимое нераздельное свойство материи.

А так как атрибут и предикат употребляется Плехановым совершенно одинаково в одном и том же смысле, то, следовательно, определение Плехановым психики как предиката также означает только одно, что психика является неотделимым, нераздельным свойством материи.

Таким образом все рассмотренные нами определения психики, в ее отношении к природе, к материи, сводятся к психике, как неотделимому свойству материи. Что же это за свойство?

Тут-то мы и подходим к последнему определению Плехановым психики, а именно: «внутреннее состояние». Психика как внутреннее субъективное свойство организма, это и есть его внутреннее состояние. Сущность психики как свойства «внутреннее состояние» состоит в том, что определенные процессы внутренне, субъективно переживаются, переживаются. Характерной особенностью психики как свойства «внутреннее состояние» является внутренняя, субъективная переживаемость.

2. Как субъективное внутреннее переживание психика не тождественна с физиологическим процессом и представляет собой особое качество, не сводимое к физиологии. Физиологический процесс или движение и внутренние субъективные состояния представляют собой два неотделимых, но своеобразных особых явления в единой материи.

Физиологический процесс, независимо от того, обладает ли он внутренним, субъективным состоянием или не обладает, представляет собой своеобразный процесс разложения и синтеза материальных частиц, своеобразное движение материальных частиц и является этим самым, во-первых, материальным, во-вторых, как материальный процесс, объективным и, в-третьих, как объективный материальный процесс он может быть наблюдаем, воспринимаем окружающими непосредственно. Психика же, во-первых, нематериальна в том смысле, что, не составляя ни части материи, ни сам материальный процесс, как таковой, она является только его внутренним свойством, во-вторых, как внутреннее состояние, как внутреннее переживание, она субъективна и, в-третьих, как внутреннее субъективное переживание данного человека, она непосредственно доступна для восприятия только ему одному, а не окружающим.

Такова бесспорная, принципиальная разница между субъективным и физиологическим.

Физиологический процесс или движение, с одной стороны, и субъективные переживания—с другой, представляют собой два противоположных явления. Эта противоположность особенно ярко

¹ Т. XVIII, стр. 168.

проявляется в следующем: физиологическое в себе самом никто из нас непосредственно не воспринимает, зато оно воспринимается в нас другими, субъективное же, наоборот, каждый из нас в себе воспринимает непосредственно, но для других оно непосредственно недоступно для восприятия. Высокоорганизованная материя мозга представляет собой единство многообразия в том смысле, что она обладает двумя способностями—двигаться и ощущать, и единством противоречия в том смысле, что эти явления принципиально противоположны.

Однако к принципиальной противоположности физиологического процесса, физиологического движения, с одной стороны, и психического, с другой стороны, надо подходить диалектически. И действительно, В. И. Ленин, как мы видели, считает, что «за пределами гносеологии оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой»¹. Такова же точка зрения Плеханова.

В споре с Петцольдом он отвергает как дуализм мысль о том, что «душевные явления не могут быть описаны или объяснены с помощью таких представлений или понятий, которые были развиты для объяснения или описания явлений природы»². Термины для описания или объяснения психики являются терминами, описывающими или объясняющими природу, ибо, как своеобразное субъективное свойство—внутренняя переживаемость, психика является естественным проявлением организма, состоянием объекта, объективным свойством, т. е. свойством объекта, явлением природы.

Следовательно, принципиальная разница между субъективным и физиологическим диалектически относительна.

Она, эта разница, реальна и принципиальна именно постольку, поскольку они представляют собой качественно различные явления. Но поскольку эти столь принципиально различные явления свойственны одному и тому же объекту, т. е. объективно существуют в объекте, постольку разница между ними не абсолютная, а относительная.

Между психикой и физиологией есть не только принципиальная разница, но и принципиальное сходство. Такова диалектика бытия.

Выясним это сходство по линии протяженности. Психика не занимает места в пространстве, не протяженна. Но и движение, например движение колеса, также не занимает места, не имеет протяженности. Место занимает, протяженность имеет само колесо, как таковое, т. е. его материя в целом, со всеми ее свойствами. Место занимает, протяжение имеет материя в целом, т. е. единая материя со всеми ее свойствами, а не движение и не психика, как таковые, как отдельные явления. Таким образом сходство обоих явлений—физиологического процесса и внутренней переживаемости—выражается в том, что оба эти явления, как таковые, не занимают места в пространстве, не имеют протяженности.

¹ Ленин, т. X, стр. 205.

² Т. XVII, стр. 121.

Но это принципиальное сходство субъективного и физиологического не исключает принципиального различия между ними, как принципиально различных явлений.

В споре с тем же Петцольдом Плеханов заявляет, что «под явлением природы нельзя понимать движение в собственном смысле этого слова», что «никто из видных представителей материализма не объяснял и не описывал душевные явления с помощью таких представлений или понятий, которые были развиты для объяснения или описания движения», что «все выдающиеся материалисты этого времени говорили, что душевные явления и движения представляют собой две стороны одного и того же процесса, совершающегося в организованном теле и что в этом нет ни отождествления одного ряда явлений с другим, ни признания возможности объяснить или описать один ряд явлений с помощью представлений или понятий «развитых для объяснения или описания—другого»¹. Оставим пока вопрос о необъяснении психики движением, ибо мы коснемся его ниже, а пока подчеркнем момент описания.

Представляя собой явление природы, психика не может, однако, по мнению Плеханова, быть описана в терминах физиологических, ибо она принципиально отлична, своеобразна, как мы это видели выше.

Остановимся еще на вопросе о протяженности, пространственности и материальности. Начнем с формулировки: «Физическое материально и протяженно, а психическое не материально и не протяженно». Во избежание недоразумений надо подчеркнуть, что когда мы противопоставляем психическое физическому, то мы под физикой понимаем не движение, а материю со всеми ее остальными, кроме психики, свойствами.

Объективный физический мир, т. е. материя с ее свойствами, протяжен, т. е. занимает место в природе, психика же как внутреннее, субъективное состояние, как внутреннее субъективное переживание, подобно всем другим качествам и свойствам материи, не представляет составной части последней и потому не занимает особого, отдельного места в пространстве, не имеет своей особой от материи протяженности, и в этом смысле не протяженна. Такова принципиальная разница между психическим и физическим, точнее между психикой и материей, между психическим свойством материи и материи в целом. Но эта разница также относительна. Психика в отличие от физики, от материи в целом не протяженна, но как свойство этой протяженной материи она совершается в пространстве, является свойством пространственного мира. И в этом смысле она является пространственной. Психика—не протяженна в том смысле, что она не занимает особого от той материи, коей она присуща, места, но она пространственна в том смысле, что является свойством пространственного мира.

Таким же образом надо разрешить и вопрос о материальности, тесно связанный с вопросом «пространственность—протяженность». Поскольку психика, субъективное, есть только свойство материи, а не часть материи, не такое выделение из мозга, как желчь из печени, постольку

¹ Т. XVII, стр. 121—122.

она не материальна. Поскольку же она является неотделимым свойством материальных мозговых процессов, неотделимым свойством материального мозга, постольку она материальна, точнее—является свойством материального мира.

Взятое как свойство, как качество в своем качестве, в своем свойстве психика субъективна, непротяженна, нематериальна, но как свойство и качество неотделимое, нераздельное от той материи, которой она свойственна, психика является явлением, состоянием, свойством, качеством, атрибутом, проявлением объективного, материального, пространственного, протяженного мира.

Так, исходя из диалектико-материалистического учения о материи и ее свойствах, качествах, из материи как единства многообразия и единства противоположностей, марксизм разрушает гордиев узел психофизической проблемы своим положением о психике как особом, т. е. субъективном, внутреннем, непротяженном, нематериальном свойстве материального, пространственного, протяженного, объективного физического мира. Этой диалектики, этой диалектической мысли о материи, как единстве многообразия противоположных свойств, не приемлют, не понимают ни идеалисты, ни механисты в силу их метафизичности.

Видя принципиальную разницу между субъективным и физическим, и, как метафизики, не будучи в состоянии понять ее как разницу свойств, качеств единой материи, они приходят или к метафизически-идеалистически-монистическому учению о первичной духовной, нематериальной субстанции, или к метафизически-дуалистическому учению о самостоятельной, существующей параллельно с телесной, духовной нематериальной субстанции, или к замаскированной форме того же дуалистического учения, т. е. к психофизическому параллелизму и теории психофизического взаимодействия, или к идеалистическому тождеству, или к механико-материалистическому тождеству.

Метафизичностью же идеалистов, дуалистов и современных механистов-материалистов объясняется и критика ими диалектико-материалистического разрешения психофизической проблемы.

3. Идеалисты и дуалисты критикуют материализм вообще, пытаются представить его как учение о тождестве субъективного с физическим. Такое представление о материализме Плеханов называет нелепым¹.

Ссылка Петцольда, что Гоббс «определенно отрицает душевные явления как нематериальные», неудачна, по мнению Плеханова, так как для Гоббса «душевные движения были внутренними состояниями движущейся—при этом, конечно, надлежащим образом организованной—материи». По мнению Плеханова, Петцольд «с гораздо большим, повидимому, правом мог бы сослаться на знаменитую фразу: «мысль есть движение вещества», но и эта фраза, во-первых, принадлежит человеку совсем не авторитетному, а во-вторых, даже и она указывала вовсе не на тождество мысли с движением, а на то, что движение есть

¹ Т. XVII, стр. 120.

необходимое и достаточное условие мысли»¹. «Материализм,—говорит Плеханов в другом месте,—вовсе не пытается свести все психические явления к движению материи»². Психика присуща материи, но она представляет собой не тождественное с физиологическим свойство материи.

Отождествление субъективного с физиологическим приписывается материалистам их идеалистическими противниками. «Это говорят за него его противники»³, пишет Плеханов. «Упрекать материалистов в отождествлении ощущения и мысли с движением, значит навязывать им то «учение о тождестве», несостоятельность которого так хорошо обнаружил Фейербах»⁴.

Плеханов вскрывает также и «основы» этого приписывания, этого навязывания материализму и марксизму мысли о тождестве психики, субъективного с физиологией.

Противники материализма—последовательные и непоследовательные, сознательные и бессознательные идеалисты—проникнуты,—по мнению Плеханова,—спиритуалистическим предрассудком, что «сама по себе, т. е. не будучи оживотворена духом, материя мертва и неспособна не только к восприятию, но даже и к движению». Но так как они чувствуют, что «ссылаться в споре с материалистами на подобные основания невозможно, то они предпочитают отвергать то, что ни один материалист не говорил, по крайней мере, в новое время, т. е. что восприятие есть то же, что движение»⁵. Таким образом обвинение со стороны идеалистов и дуалистов против новейшего материализма в отождествлении им субъективного с физиологическим есть выдумка спиритуалистического порядка, вытекающая из представления о материи, как субстанции, лишенной способности не только мыслить, но и двигаться, т. е. из их метафизического взгляда на материю.

4. Метафизикой является также обвинение в дуалистичности, направленное против марксистского разрешения психофизической проблемы. Остановимся сначала на упреке в дуализме, брошенном Плеханову Богдановым. «С материалистической точки зрения,—разъясняет Плеханов Богданову,—организм, одаренный мыслью, существует не только «в себе» и не только «для других» (в сознании других организмов), но и «для себя». Вы, г. Богданов, существуете не только в голове блаженного Анатолия, считающего вас глубоким мыслителем, но и в своей собственной голове, сознавая ту массу материи, которая вас составляет, именно Богдановым, а не кем-либо другим. Так наш мнимый дуализм обнаруживает себя, как несомненный монизм. Мало того, он есть единственный истинный, т. е. единственный возможный,—монизм»⁶.

¹ Там же.

² Т. XVIII, стр. 260.

³ Там же.

⁴ Т. XVII, стр. 120.

⁵ Т. V, стр. 209.

⁶ Т. XVII, стр. 43—44.

В доказательство того, что такое единство многообразия не есть дуализм, Г. В. Плеханов цитирует и разъясняет очень интересное место у Чернышевского о том, что «двойственность явлений в организме отнюдь не свидетельствует против единства его природы»¹. Ввиду важности вопроса приведем соответствующую цитату полностью. «Нет предмета,—цитирует Плеханов Чернышевского,—который имел бы одно качество, напротив, каждый предмет обнаруживает бесчисленное множество разных явлений, которые мы для удобства суждения о нем подводим под разные разряды, давая каждому разряду имя качества, так что в каждом предмете очень много различных качеств». «Дерево, например растет и горит, а лед тверд и блестящ». «В чем сходство между этими качествами? Они совершенно различны: нет такого понятия, под которое можно было бы подвести оба эти качества, кроме общего понятия—качество; нет такого понятия, под которое можно было бы подвести оба ряда явлений, соответствующих этим качествам, кроме понятия—явление. Логическое расстояние от одного из этих качеств до другого безмерно велико, или, лучше сказать, нет между ними никакого, близкого или далекого, логического расстояния, потому что между ними нет никакого логического отношения. Из этого мы видим, что соединение совершенно разнородных качеств в одном предмете есть общий закон вещей». «То же и с тем качеством, которое мы называем способностью к ощущению и мышлению», заключает Г. В. Плеханов свою мысль. «Его расстояние от так называемых физических качеств живого организма безмерно велико. Но это не мешает ему быть качеством того же организма, который в то же время обладает протяженностью и способностью к движению. Тяжкий грех против логики совершает тот, кто полагает, что так как ощущение и мышление совсем не похожи на движение и протяжение, то они должны быть отнесены на счет другой субстанции (духа), совершенно отличной от той (материи), к которой приурочивается протяжение и движение»².

Единство многообразия есть реальная характерная черта природы, которую можно найти на каждом шагу, в каждом предмете, и следовательно, материя мозга также представляет собой такое естественное единство многообразия. Обвинение Богдановым Плеханова в психофизическом параллелизме исходит из идеалистической установки Богданова, мешающей ему видеть в субъективном свойство материи, и из его метафизической логики, мешающей ему понять единство противоположностей.

С дуалистическим истолкованием марксизма со стороны идеалистов мы встречаемся еще и в настоящее время. Так глава современных эмпириков субъективистов—Челпанов, желая спасти свои позиции, заявляет, что признание марксистами реальности психики есть дуализм и что, следовательно, эмпирическая психология совпадает с марксизмом. Правда, между Богдановым и Челпановым есть разница: Богданов ви-

дит в якобы дуализме Плеханова недостаток, Челпанов, наоборот, достоинство. Разница эта объясняется тем, что Богданов как идеалист-монист считает всякое признание материальности неприемлемым дуализмом, а Челпанов, как идеалист-дуалист, естественно считает дуализм правильным. Но исходная точка зрения обоих, т. е. и Богданова и Челпанова, одна и та же, а именно, идеалистическое представление о том, что физиологическое и психическое принципиально не соединимы, не могут быть свойством единой материи. Следовательно, и ответ Плеханова Богданову есть уже ответ и на интерпретацию Челпанова.

Характерно, что не только современные идеалисты, но и современные механисты также трактуют марксизм как якобы дуалистическое учение, как психофизический параллелизм, причем и среди них, как и среди идеалистов есть такие, которые видят в этом дуализме положительный момент, и такие, которые видят в нем отрицательный момент. Так, т. Сарабьянов понимал Плеханова как психофизического параллелиста и солидаризировался с психофизическим параллелизмом, меж тем как некоторые др. механисты квалифицируют марксизм, как якобы внешний только материализм, т. е. как неверный вид материализма. Но и механисты неправы в их дуалистической интерпретации марксизма, как неправы были и идеалисты. Дуализм, психофизический параллелизм означает признание независимого или отдельного от материи существования психических явлений. Но ведь такое представление чуждо марксизму.

И действительно, о чем говорит приводимая идеалистами и механистами цитата из Дицгена: «дух есть собирательное имя для духовных явлений, материя—собирательное имя для материальных явлений, а то и другое вместе образуют явления природы». Она означает только одно, что духовные и материальные явления представляют собой разные, различные явления единой природы.

Далее, каков смысл приводимой ими мысли Плеханова о том, что психологическое состояние есть только одна сторона процесса, другую сторону которого составляет физиологическое явление. Смысл этой мысли один: психика есть внутренняя сторона, внутреннее состояние материи, как особое свойство, отличное от движения, от физиологического явления, но неотделимое от последних.

Наконец, что означает приводимая ими мысль Плеханова о том, что «способность ощущать и мыслить есть такое же основное, изначальное, необъяснимое свойство материи, как и движение». Взятая не с ее гилозоистической стороны, о чем мы уже говорили выше, а в аспекте отношения психического (там, где оно есть) к физическому, она означает только одно, а именно: идеалистически-дуалистическому понятию о «психике», как отдельном, раздельном, нематериальном явлении, противопоставляется материалистически-монистическое понятие о психике, как о таком же явлении, как и движение, т. е. как о явлении, которое, как и движение, не существует отдельно, раздельно от материи, а составляет неотделимое свойство материи, свойство особое, своеобразное, отличное от движения, но неотделимое, нераздельное от материи, как и движение.

¹ Т. VI, стр. 301.

² Т. V, стр. 208.

Таким образом во всех приводимых цитатах говорится только о различии психического от физиологического, как двух особых явлений, а не о раздельном существовании психического и физического. Наоборот, все они направлены против представления о психике, как раздельном от материи явлении.

На основании всего сказанного мы считаем себя вправе утверждать, что когда современные психологи-механисты бросают психологам-марксистам-диалектикам упрек в том, что признание за материей свойства «психическое» есть дуализм, то их упрек представляет собою оборотную сторону их механико-материалистического отождествления психического и физического, вытекает из бессознательно-идеалистического представления о том, что психическое не соединимо с физическим и является бессознательным идеализмом.

5. Кроме дуализма марксистскому взгляду на психофизическую проблему бросается в настоящее время еще упрек в идеализме. В марксизм «входят элементы идеализма», пишет идеалист Челпанов. Марксизм не освободился от идеализма Гегеля, утверждают некоторые современные механисты. Марксизм не освободился еще от буржуазного обмана в смысле признания психики, говорил их предтеча Енчмень. Признание субъективного есть непрезойденная дань неизжитому субъективизму, полагает Бехтерев, не чуждый механизма. Как мы видим, механистическая интерпретация совпадает с идеалистической при той только разнице, что механизм видит в якобы идеализме марксизма недостаток, а идеализм, наоборот, достоинство.

Обвинение марксизма в идеализме, как «остатке влияния на него идеалистических теорий», мы считаем недопустимым извращением исторического факта, состоящего в том, что Маркс полностью отверг идеализм Гегеля, взяв только его диалектику, да и ту на свой материалистический лад. Это—во-первых. Во-вторых, признание марксизмом субъективного не есть идеализм потому, что сущность идеалистического взгляда на субъективное состоит в том, что оно представляет собой явление самостоятельное нематериальное, нематериальное, меж тем как марксизм видит в субъективном неотделимое свойство материи.

Все эти «обвинения» в идеализме базируются на непонимании того, что психика есть принципиально такое же свойство материи, в том смысле, что она так же присуща материи, как физические свойства, хотя она—свойство принципиально отличное в своем качестве от физических свойств. Идеалист этого не понимает, потому что для него психика принципиально не присуща материи, а объективист-механист не понимает этого потому, что не понимает единства многообразия качеств материи и единства их противоположностей, поскольку материя есть единство противоположных явлений: субъективных и физиологических.

6. Остановимся, наконец, на обвинении марксизма в агностицизме.

Раз марксизм отказывается от объяснения и сведения психики к движению, утверждают механисты, то он, следовательно, считает психику непознаваемой и является видом агностицизма.

Это чудовищно странное заявление об агностицизме вытекает, во-первых, из механистической установки, мешающей понять вышеуказан-

ную диалектику, и, во-вторых, из незнания или непонимания того, что марксизм объясняет психику, но по-своему, т. е. диалектически, что марксизм признает возможность и необходимость познания психики, что он требует познания 1) структуры той материи, тех физиологических аппаратов, которые обладают психическими свойствами, 2) структуры той материи, которая не обладает этими свойствами, но из которой выросла по законам диалектики первая упомянутая нами материя, 3) процессов перехода, условий, при которых совершается переход материи, не обладающей психикой, в материю, обладающую ею, и наконец 4) обратного перехода, условий обратного перехода материи, обладающей психическими свойствами, в материю, ими не обладающую.

Это объяснение марксизм приемлет, этого объяснения он требует, больше того, это объяснение и есть единственно истинное, доступное только ему одному, потому что он приемлет материю во всем ее качественном многообразии, со всеми ее цветами, как Маркс выражается, характеризуя Гоббса. Но этого объяснения механист не понимает, и поэтому он делает свое абсолютно неверное «открытие» об агностицизме марксизма, предлагая свое механистическое объяснение, в смысле «сведения психики к движению», к особому виду движения, т. е. как раз то объяснение, которое марксизм отвергает.

7. Теперь мы можем разъяснить то будто бы противоречие, которое состоит в том, что марксизм, с одной стороны, отвергает психофизическое взаимодействие, а с другой стороны, видит в психике действенный фактор общественной жизни. Плеханов признает, что факты, наводящие на мысль о влиянии психических состояний на физиологические процессы, часто указываются совершенно верно, однако объясняются они совершенно неправильно.

Вопрос о взаимодействии между психическим и физиологическим должен быть рассмотрен в отношении к двум возможным случаям: 1) взаимодействие между субъективным и физиологическим в пределах одного и того же единого процесса и 2) взаимодействие между психическим и физиологическим явлениями, в пределах двух разных процессов. К этим двум случаям надо подойти по-разному.

Поскольку речь идет о взаимодействии между психическим и физическим в пределах одного мозгового процесса, то для марксизма здесь никакого взаимодействия нет, ибо перед нами один процесс, обладающий двумя, не только одновременно появляющимися, но и нераздельными свойствами. Между субъективным переживанием, имеющимся у нас в момент функционирования какого-либо механизма нервно-секреторной системы и физиологическим процессом в этом последнем, т. е. между субъективным переживанием и его материальным субстратом, и обратно—между физиологическим процессом нервно-мозговых механизмов и его субъективным свойством никакого взаимодействия нет, ибо это два неотделимых свойства единого объективно-субъективного механизма. В этом смысле, в этом отношении, т. е. в пределах одного отдельного механизма, взаимодействие возможно только с точки зрения дуализма, а не с точки зрения монизма.

Теперь перейдем к другому возможному случаю взаимодействия, а именно к взаимодействию между субъективным и физиологическим, двух сменяющих друг друга механизмов, в его трех возможных вариантах: 1) психическое одного механизма влияет на физиологическое другого механизма, 2) обратно—физиологическое одного механизма влияет на субъективное другого, и наконец 3) психологическое одного механизма влияет на психологическое другого.

У Плеханова мы нашли разъяснение только первого случая. Теория взаимодействия объясняла этот случай таким образом, что раздельно существующее психическое влияет на раздельно существующее физиологическое. Это объяснение ведет к двум возможностям: 1) или должны быть два раздельных материальных явления, два процесса, две энергии, два движения, две материи; 2) или психика воздействует как нечто нематериальное.

В первом случае теория взаимодействия противоречит научно-установленному закону сохранения энергии, а во втором случае она является явно идеалистической. И в том и другом случае теория взаимодействия не верна, ошибочна. Как же представляется дело Плеханову? «Люди, распространявшиеся о влиянии «психики» на «физику»,—пишет он,—забывают, что всякое данное психическое состояние есть лишь одна сторона процесса, другую сторону которого составляет физиологическое явление, или вернее, целая совокупность явлений физиологических в собственном смысле этого слова. И когда мы говорим, что данное психическое состояние известным образом повлияло на физиологические отправления данного организма, то надо понимать, что указываемое нами влияние причинено было собственно теми, тоже чисто физиологическими явлениями, субъективную сторону которых составляет это психическое состояние. Если бы это было иначе, если бы то или иное психическое состояние могло послужить действительной причиной физиологических явлений, то нам пришлось бы отказаться от закона сохранения энергии»¹.

Итак, объяснение Г. В. Плеханова состоит в том, что воздействовавшее психическое представляет собой особое свойство некоего нервно-мозгового механизма и что реально этот объективно-субъективный процесс вызвал другой физиологический процесс. Объективно один материальный процесс, коего свойством является «воздействующее» субъективное, воздействует на другой физиологический процесс, не обладающий субъективным свойством, но мы субъективно воспринимаем только воздействующее субъективное состояние без и вне его материального субстрата, поэтому нам кажется, что оно само по себе без материального своего субстрата, как самостоятельное явление, вызвало физиологическое явление.

Таким образом можно и нужно объяснить и другие два случая взаимодействия. Во втором случае, когда один физиологический процесс

¹ Т. XVII, стр. 124, примеч.

вызывает субъективное, как свойство другого физиологического процесса, дело происходит таким образом, что объективно первый физиологический процесс, не обладающий субъективным свойством, вызывает другой физиологический процесс, имеющий субъективное свойство, но мы субъективно воспринимаем вызванное субъективное состояние как субъективное без и вне его материального субстрата, поэтому нам кажется, что физиологический процесс вызвал только субъективное, как таковое. Так же обстоит дело и в третьем случае, когда одно субъективное переживание вызывает другое. Первое субъективное переживание является ведь свойством одного функционирующего сейчас в нас механизма, а второе субъективное переживание—свойством другого механизма. Реально, фактически, объективно первый объективно-субъективный механизм приводит в действие другой, также субъективно-объективный механизм, но нам, субъективно воспринимающим два сменяющих друг друга субъективных переживания, кажется, что они сменяли себя без и вне материальных субстратов, как самостоятельные, раздельно от физиологических процессов существующие явления.

Таким образом реально, фактически, в действительности, объективно всегда воздействуют друг на друга материальные механизмы, субстраты, обладающие или необладающие субъективными свойствами, но мы, воспринимающие только наши переживания, только внутреннюю сторону этих механизмов, субъективно воспринимаем не весь процесс, а только одну его сторону.

Теперь ясно, в каком смысле Г. В. Плеханов признает воздействие физиологического на психическое и обратно, и в каком смысле он это воздействие отрицает. Когда Плеханов то признает психофизическое взаимодействие, то отрицает, то он имеет в виду разные формы «действенности», которые мы назвали бы непосредственной и посредственной, самостоятельной и несамостоятельной.

Г. В. Плеханов отрицает непосредственное самостоятельное действие, самостоятельное влияние субъективного, и это вполне понятно, поскольку субъективное не есть материя или часть материи, не есть физиологический процесс, как таковой, а только его внутренняя субъективная сторона, точнее его внутреннее субъективное состояние. Но Плеханов признает влияние физиологического на психическое и обратно, так же как и влияние психического на физиологическое, происходящее объективно, как взаимодействие единых объективно-субъективных процессов, а субъективно для нас в форме одностороннего воздействия психического на физиологическое или обратно и психического на психическое.

Для нас, субъективно, физиологическое и субъективное воздействуют друг на друга непосредственно, как два самостоятельных явления. Но это происходит так только с нашей субъективной точки зрения, при нашем субъективном, абстрагирующем восприятии. Если же это взаимодействие, только субъективно, для нас, протекающее непосредственно, счесть за действительно так протекающее взаимодействие, то мы и получим то неверное объяснение, которое Плеханов отвергает.

Таким образом признаваемое Плехановым верное объяснение состоит

11 Ю. Франкфурт. Плеханов и методология психологии

в том, что непосредственное воздействие, увязка между двумя субъективными нашими переживаниями или между физиологическим и субъективным и обратно, только кажется нам, субъективно, непосредственным, на самом же деле оно совершается опосредствованно через единый объективно-субъективный механизм.

Эту мысль мы формулируем таким образом: Г. В. Плеханов отрицает непосредственное воздействие физиологического на психическое и обратно, но признает его как опосредствованное, т. е. как совершающееся через единый субъективно-объективный механизм. Он отвергает влияние психики в смысле дуалистического взаимодействия двух отдельных явлений, но он признает взаимодействие реально, фактически, как совершающееся через смену двух единых объективно-субъективных механизмов.

Только при этом подходе, только при таком взгляде мы не возвращаемся ни в лоно субъективизма, ни в лоно фактически дуалистических теорий психофизического параллелизма и психофизического взаимодействия, не впадаем в противоречие с законами сохранения энергии, не нуждаемся в особой психической энергии и в то же время гарантированы от ошибочного отождествления субъективного и физиологического.

8. Теперь мы можем разрешить оставленный в предыдущей главе открытым вопрос о том, что мышление и материя суть два равноправных, равноценных атрибута.

«Важнейшая отличительная черта материализма,—пишет Плеханов,—состоит в том, что он устраняет дуализм духа и материи, бога и природы и считает природу основой тех явлений, для объяснения которых еще первобытные охотничьи племена апеллировали к деятельности предметных душ, духов»¹. Ту же мысль Плеханов высказывает, солидаризируясь с Гексли, что «основой психики является физиология»², как мы уже видели это выше. Психика и материя не два равноправных атрибута чего-то третьего, нет. Материя не атрибут. Атрибут это только проявление материи. Материя включает в себе все свои атрибуты, но не сводится к атрибуту. Материя, физиология—это основа психики, носитель свойства «психики». Материя, физиологический процесс, это основа психики, потому что субъективного вне физиологических процессов, вне материи нет, потому что субъективное есть только там, где протекает определенный материальный физиологический процесс, меж тем как физиологический процесс, материя, не всегда обладают психичностью, потому что субъективное действует непосредственно только субъективно, для нас, потому что самостоятельность его действия есть только кажущаяся, но не фактическая, ибо фактически оно самостоятельной действительностью не обладает. Психика и материя не два равноправных, равноценных атрибута, ибо материя не атрибут, а психика является только свойством материи.

9. Тут мы должны рассмотреть следующие вопросы: а) Если субъективное, как таковое, не влияет, не действует, то что это за качество,

¹ Т. XVIII, стр. 258.

² Там же, стр. 261.

за свойство? В чем его роль и значение? Откуда мы о нем знаем? Не экономнее ли, не реальнее ли, не вернее ли механико-материалистическая теория тождества психического с физическим. б) Если субъективное соответствует объективным физиологическим процессам, то почему мы не можем ограничиться изучением одних только последних и по ним судить о субъективном?

а) Плеханов отрицает объективное, непосредственное, самостоятельное влияние психического на физическое и признает опосредствованное через единый объективно-субъективный физиологический процесс действие психического на физиологическое, которое нами субъективно воспринимается как непосредственное действие. Но разве такая форма влияния уничтожает влияние, действие, значение психического? Нет и нет. К интересующей нас теперь проблеме надо подойти диалектически, так как мы имеем здесь явление диалектическое, а именно единую материю с разными, принципиально-отличными свойствами. Мы выделили, что с точки зрения Плеханова—Чернышевского между различными свойствами одного и того же объекта нет никакой логической связи, что различные свойства этого объекта связаны между собой не логически, а фактически, как разные свойства единого объекта, что между этими различными свойствами единого объекта нет ничего общего по существу, по содержанию. А если так, то каждое качество, каждое свойство имеет свою форму влияния, действия, значимости и в этой ее качественной своеобразности ее необходимо учитывать и познавать.

Прежде чем перейти к оценке значимости, влияния, действительности субъективного, как особого свойства нашей материи, рассмотрим раньше несколько примеров из других областей.

Возьмем форму предмета. Существует ли форма вне материи? Нет. Занимает ли форма особое место, составляет ли она особую материю, образует ли она составную часть предмета? Нет и нет. Форма есть только одно из свойств, одно из качеств предметов. И вот, когда мы соединяем две «формы»—два прямоугольных треугольника в квадрат,—то что мы собственно соединяем? Два материальных тела. Что «воздействует» друг на друга? Тела, материя. А формы, как таковые? Их влияние друг на друга? Разве они не соединяются между собою по своим особым законам, правилам? «Действие» этих законов вполне реально, но совершается оно через материю тела, как вторая «формальная» сторона соединения наших материальных треугольников. Нет слияния форм, как таковых. Формы, как таковые, суть абстракции материи. И все же мы в геометрии изучаем законы образования, соединения разных форм, ибо эти формы реальны, несмотря на то, что они неотделимы от материи и самостоятельно, как формы, без материи никогда не соединяются меж собой, не «влияют», не «действуют». Плох, конечно, был бы тот геометр, который вообразил бы, что форма—это самостоятельная сущность. Он лишился бы возможности помощью реальной материи контролировать свои законы и правила. Он лишился бы единственного критерия истинности своих формул. Но столь же не прав будет тот материалист-механист, который скажет: «так как формы, как таковые, места не занимают, так как при манипуляциях с формой

мы, собственно, производим действие только с материальными телами, то изучать формы, как таковые, не нужно, излишне, долой геометрию». Ясно, что обе крайности неприемлемы. Формы, как особое свойство, требуют своего анализа, требуют учета своего качественного своеобразия, своей «действенности», т. е. тех законов и правил, по которым они соединяются.

Возьмем еще один пример из биологии, а именно мимикрию. Разве цвет, играющий роль в этой мимикрии, существует как отдельное, особое материальное вещество, кроме вещества, движение коего мы воспринимаем в форме цвета? Нет, не существует.

Как же реально осуществляется мимикрия? Один вид особым образом движущейся материи влияет на другой вид материи. С точки зрения физико-химической происходит только один материальный процесс, что вполне верно. Однако цвет, не составляя особого вещества, особой части вещества, представляет собой все же такое качество, которое не может не учитываться биологически, ибо биологическое взаимодействие в мимикрии осуществляется помощью качества «цвет», что приводит к необходимости изучения биологических законов мимикрии.

Точно так же и с психологией, с нашими субъективными переживаниями. Верно, субъективные переживания воздействуют друг на друга опосредствованно, т. е. через единый объективно-субъективный физиологический механизм, как его качество, как его свойство, но в действии этого единого механизма есть две стороны: 1) объективная физиологическая и 2) внутренняя субъективная. Качественная своеобразность воздействия чисто физиологической стороны не уничтожает качественного своеобразия субъективного «действия» процесса на нас, ибо для нас непосредственной причиной наших действий являются субъективные переживания. Это два разных вида, два качественно различных воздействия, но оба эти вида суть воздействия, каждое из них имеет свою качественную «действенность». Характер «действия», качественная своеобразность «действия» каждого явления определяется его сущностью, в нашем случае сущностью субъективного. Сущность качества «психическое» состоит в его непосредственной переживаемости.

И вот с этой точки зрения, и только с этой точки зрения, и надо подойти к интересующей нас теперь проблеме «действенности» психики. Психика, в узком смысле слова, т. е. субъективная сторона наших переживаний, является, с одной стороны, свойством нашего организма, нашей нервно-секреторной системы, а с другой — отражением бытия, вне нас лежащего, и бытия нашего организма. Следовательно, действенность психики, т. е. ее переживаемость, должна быть выяснена в обоих этих направлениях.

Мы видели, что психика, как отражение вне нас лежащего общественного бытия, представляет собой особое общественное явление, имеющее свои особые законы, как ассоциация, подражание, контраст и др.

Эта общественная психика и ее законы регулируются, определяются, направляются, приводятся в движение нашим социальным бытием и его законами, но не сливаются, не отождествляются с последними. Об-

ективное бытие и его законы существуют вне нас, но для нас они существуют лишь постольку, поскольку они отражаются, выражаются в наших переживаниях и в регулирующих их законах. Следовательно, психика, как отражение, отображение общественного бытия, лишь постольку выполняет эту свою функцию, поскольку она переживается нами в форме сознательных или бессознательных переживаний, ощущений, знания. Другими словами, действительная роль психики в ее отражательной функции в отношении общественного бытия заключается для нас в этой «переживаемости», ощущаемости «знания». И в этой «действенности» для нас психика и должна быть учтена, познана. Чем лучше мы познаем эти имеющиеся у нас психические отражения и их законы, тем легче нам будет познать, а следовательно, и изменять направляющее, определяющее, регулирующее, приводящее их в движение, отражаемое общественное бытие с его законами.

Так же обстоит дело и в отношении психики, как отражения нашей внутриорганической жизни. Совершающиеся в нашем организме процессы происходят помимо нашей воли, независимо от наших желаний, но для нас они существуют лишь постольку, поскольку мы их переживаем. Следовательно, и в отношении к нашим внутриорганическим процессам надо различать объективные процессы с их законами, с одной стороны, и их отражения в нас, их существование для нас, т. е. соответствующие наши переживания с их законами, — с другой стороны. Отсюда необходимость учитывать своеобразное свойство нашего организма — внутреннюю переживаемость с ее законами.

Но есть и еще один момент, важный для учета «действенности» психики, а именно единство нашего Я. В своем месте мы уже указали на то, что единство нашего Я отражает в себе единство познаваемого нами объективного бытия. К этому можно еще добавить, что единство нашего Я отражает в себе так же и единство нашего тела, как цельного организма. Как же достигается это единство внутри нас?

Характерная особенность реакции живых существ, а человека тем более, состоит в том, что организм реагирует как нечто самостоятельное, как особь, как нечто внутренне-единое и цельное. Эта самостоятельность, цельность и единство достигается: 1) химизмом тела у всех животных, 2) помощью анатомио-физиологической увязки между отдельными органами и их частями, костями, мышцами и т. д. у многоклеточных, 3) а у высокоразвитых организмов посредством нервно-секреторной системы. Но если последняя выполняет у человека свою функцию объективно помощью своего анатомио-физиологического, физико-химического субстрата, то субъективную она выполняет свою функцию помощью присущего ей внутреннего субъективного свойства, т. е. внутренних переживаний человека. Следовательно, в отношении человека, как цельного организма «действенность» психики, наших субъективных переживаний заключается в том, что они выполняют роль «субъективного объединителя», как внутреннее выражение объективных механизмов, объединяющих наше тело в единое целое, в самостоятельную особь, в организм, в личность.

Через нашу психику мы субъективно воспринимаем объектив-

ное единство нашей личности. Таким образом как вовнутрь организма, так и вовне ощущаемость, непосредственная переживаемость является и сущностью и непосредственной для нас «действенной» формой того своеобразного свойства функционирующих нервно-секреторных механизмов, которое мы называем психикой, субъективными переживаниями, субъективной стороной.

Возьмем для примера рассмотренный нами выше закон антитеза в отношении английских классов.

В основе диалектики их переживаний лежит, как мы это установили выше, на своем месте, диалектика их общественного бытия. Теперь мы можем и должны добавить, что психологическая диалектика их переживаний представляет собой также и внутреннее субъективное свойство диалектики их нервно-мозговых механизмов. Но если наличие определяющей общественной диалектики не освобождает нас от необходимости учесть, изучить, познать диалектику психическую, то и наличие диалектики физиологической также не может и не должно освободить нас от необходимости изучить, познать, учесть субъективную диалектику, так как субъективно для тех англичан, о которых идет речь, и объективная общественная и объективная физиологическая диалектика реальны лишь постольку, поскольку они переживают их, воспринимают их помощью своих переживаний.

Больше того, между диалектикой общественного бытия, отражающейся в диалектике их психики, и диалектикой физиологических процессов, этого объективного субстрата субъективной диалектики, есть в интересующем нас сейчас отношении огромная разница.

Диалектику общественного бытия, отражающегося в их диалектике психической, они имели перед своими глазами, они могли, должны были, и с необходимостью это делали, сравнивать свою субъективную диалектику с отражаемым общественным бытием и таким образом ее корректировать. Но ведь в отношении к протекавшей внутри их диалектике физиологической, этой физической основы их психической диалектики, они находятся в совершенно других условиях. Ведь этой физиологической диалектики они в себе непосредственно не замечают и не могут замечать, а потому они не могут непосредственно корректировать с ней свою субъективную диалектику. Поэтому если наличие общественной диалектики не освобождает нас от необходимости учесть, познать субъективную диалектику, то еще меньше это можно допустить по отношению к диалектике физиологической.

Мы должны, следовательно, познать «действия» на нас, для нас наших субъективных переживаний, т. е. изменений внутри нас, для нас наших субъективных переживаний.

Эти наши субъективные переживания должны быть изучены потому, что они являются для нас непосредственной причиной наших действий.

«Действенность» психики ограничена пределами самих субъективных переживаний, но она есть, мы ее чувствуем, переживаем. Характер «действенности» психики субъективен, так как сущность самой психики есть ее субъективная переживаемость, но для нас эта «действенность» реальна и должна быть учтена и познана.

б) Но отсюда ясно также, почему нельзя судить о действительности психики по действительности только объективного физиологического механизма.

Это с логической необходимостью вытекает из объективного положения вещей. Ведь познавая объективное, мы познаем только одно качество—объективные моменты. Чтобы теперь от этого объективного перейти к соответствующему ему субъективному, чтобы по этому объективному судить о соответствующем ему субъективном, мы ведь должны поставить себе вопрос о том, какому объективному моменту какой субъективный момент соответствует, дабы не связать какой-либо объективный момент с несоответствующим ему субъективным моментом. В целях правильного познания мы должны ставить себе о каждом объективном моменте вопрос о том, какой субъективный момент ему соответствует. Следовательно, мы должны учитывать не только объективный физиологический процесс, но и субъективное непосредственное для нас «действие» психики. Совершенно неправы те, которые хотят из отрицания Плехановым непосредственного «воздействия» психического на физическое сделать вывод о ненужности изучать самые субъективные переживания, неправы те, которые подобно Бехтереву утверждают, что так как процессы, изменения в субъективном соответствуют процессам и изменениям объективным, то можно ограничиться изучением одних только объективных процессов и изменений в нашем организме. Они неправы потому, что надо диалектически различать бытие в себе, для других и бытие для себя, имеющее каждое свое значение, свою значимость. Надо изучать объективное бытие без всяких очков, таковым, каково оно есть, во всем его качественном разнообразии, как в его объективных, так и в его субъективных проявлениях.

10. В споре между объективистами и субъективистами-эмпириками по вопросу о том, есть ли субъективные переживания, реальные ли они, надо ли их изучать—марксизм признает правоту субъективистов. Однако субъективной психологии нельзя еще торжествовать своей победы по поводу нашего «возврата» в лоно субъективизма. «Если материалисты были неправы, то это еще не доказывает, что их противники были правы. Отнюдь нет: их противники ошибались вдвойне, втройне, словом, несравненно больше»¹, уже давно сказал Плеханов. Поэтому попытка Г. И. Челпанова в его брошюре «Психология и марксизм» объявить Маркса субъективистом была подвергнута марксистами-психологами резкой и беспощадной критике.

Но с другой стороны, необоснованно также и злорадство объективистов—«ага, вы оказываетесь в одном лагере с субъективистами, вы—марксисты от субъективизма». Дело в том, что когда субъективисты-эмпирики и марксисты говорят о психике, о внутренних субъективных переживаниях, то они понимают под ней не одно и то же. И эмпирики и марксисты говорят о психике, как о чем-то особом, но вкладывают в это слово диаметрально-противоположное содержание и смотрят на нее с диаметрально-противоположных точек зрения—первые глазами идеалистов, вторые глазами материалистов. Поэтому когда в споре между

¹ Т. VIII, стр. 92.

эмпириками-субъективистами и объективистами марксисты «становятся» на точку зрения первых, признают их «правоту», то речь идет только о согласии в вопросе о реальности психики, а не по существу взглядов на психику. Маркс, указав, что материалисты, включая и Фейербаха, смотрят на мир глазами созерцателей, меж тем как идеалисты признавали и изучали активную сторону человеческой деятельности, признал этим преимущество идеализма, однако он не стал идеалистом, и это потому, что он на активность смотрел глазами не идеалиста, а материалиста. Точно так же и марксисты-психологи, соглашаясь с эмпириками в вопросе о реальности психики, но не соглашаясь с ними во взглядах на сущность психики, не становятся еще субъективистами.

С точки зрения марксиста бесплодие субъективной эмпирической психологии объясняется не тем, что она признает субъективное, а тем, что она неправильно его понимает и неправильно увязывает с физиологическим и социальным моментами.

Марксисты-психологи борются вместе с объективистами против субъективной психологии, но по другим мотивам.

Теперь об объективистах.

Марксисты-психологи считают, что отрицание внутренних переживаний или эклектические путаные сомнения в вопросе об их признании и о необходимости их изучать есть недостаток, ошибка объективистов. Эта ошибка, этот недостаток объективистов и послужил исходной точкой енциклопедии, «теории новой биологии», чуждой, лишенной всего богатого фактического материала, имеющегося в учениях Бехтерева и Павлова, но возведшей в принцип путаное, ошибочное отрицание объективистами субъективного и представляющей собой карикатуру на учение наших объективистов-рефлексологов и пасквиль на марксизм.

В отличие от Павлова, который не вводит в содержание понятия «рефлекс» субъективный момент, в отличие от Бехтерева, который то вводит, то исключает субъективное из понятия «рефлекс», мы считаем, как и Сеченов,—этот дедушка рефлексологии, этот истинный первый основатель этой науки,—что «рефлекс» имеет и «психические» свойства как свою «интегральную часть», т. е. по существу как своеобразное, но неотделимое свойство. Вот почему мы считаем, что понятие «реакция» по К. Н. Корнилову, включающее в себя объективный процесс с его субъективной переживаемостью, должно и может быть противопоставлено физиологически понимаемому рефлексу, но что это понятие «реакция» вполне сливается с сеченовским понятием рефлекса.

Конечно, не все рефлексы имеют «субъективные» свойства, не все они переживаются субъективно. И. М. Сеченов поэтому вполне правильно делит рефлексы на чисто физиологические, не имеющие никаких психических свойств, и психические рефлексы. Но где и поскольку субъективная переживаемость налицо, там и постольку мы считаем необходимым изучение не только физиологических свойств рефлекторных механизмов, но и субъективных переживаний.

Однако обвинение нас Челпановым в физиологизме столь же необосновано, как и обвинение нас в субъективизме, ибо, изучая физиологию, мы не отождествляем ее с субъективным.

Спорная у нас формула «психология или рефлексология» абстрактна, метафизична.

О какой психологии, о какой рефлексологии идет речь? Поскольку речь идет о психологии, изучающей только сознание, мы такую субъективистическую, идеалистическую, в лучшем случае дуалистическую психологию отрицаем. Точно так же, поскольку речь идет о рефлексологии только физиологической, мы отвергаем ее как вульгарный, механистический материализм.

Сближаясь только «формально» с субъективистами в признании реальности и действительности психики, мы отвергаем их формулу: «психология, а не рефлексология», противопоставляя ей формулу: «не психология идеалистическая без рефлексологии, а настоящая марксистская психология с учетом рефлексологии, точнее физиологии». Будучи «фактически» ближе по существу к объективистам, мы отвергаем их формулу: «рефлексология, а не психология», противопоставляя ей формулу: «не «рефлексология» механистически-материалистическая, а настоящая марксистская психология, с учетом «психики» в смысле внутренней субъективной переживаемости».

Этой-то нашей диалектичностью и объясняются нападки, сыплющиеся против нас как со стороны субъективиста Челпанова, так и со стороны объективистов и механистов. Субъективист Челпанов, не понимая в своем качестве идеалиста и метафизика, как субъективное увязывается с физиологическим, приходит в ужас при упоминании нами физиологии, называя нас, вернее—ругая нас, вульгарными материалистами, енциклопедистами, а при упоминании нами о субъективном, он в том же своем качестве идеалиста-метафизика приходит в восторг, трубит о том, что мы вернулись в лоно субъективной психологии. С другой стороны, Бехтерев, временами чураясь субъективного, и механисты приходят в ужас при одном упоминании нами о субъективном, называя нас по этому случаю субъективистами. Мы считаем при этом нужным подчеркнуть следующие два очень важных момента:

1) Критикуя эмпириков и объективистов (физиологов-рефлексологов и примыкающих к ним в вопросе о субъективном крайних бихевиористов и механистов) по разным мотивам за разные недостатки, мы не можем не давать им разных оценок.

2) Поскольку, с одной стороны, эмпирики правы только «формально» и, неправильно увязывая субъективное с физиологическим, изучают абстрактную психику, поскольку, с другой стороны, объективисты, будучи не правы в своем отрицании субъективного, изучают фактически крайне важные физиологические механизмы и внешние действия, постольку научная ценность эмпирической психологии неизмеримо ниже научной ценности физиологической рефлексологии и крайнего бихевиоризма.

11. Механисты могут в целях защиты своего физиологического подхода использовать один момент терминологического порядка, к рассмотрению коего мы и перейдем.

«Материализм никогда не занимался «пустыми умствованиями» по

поводу вопросов о том, «что такое материя сама по себе и что такое сам по себе дух». «Для него дело было в том, (чтобы определить отношение психических явлений к физиологическим в тесном смысле этого слова»¹, говорит Плеханов. Но если есть физиология в тесном, в узком смысле этого слова, то должна быть, следовательно, и физиология в широком смысле этого слова. И действительно, Г. В. Плеханов утверждает, что «природу индивида изучает физиология в обширном смысле этого слова, т. е. наука, охватывающая также психические явления»². Г. В. Плеханов, следовательно, различает две науки: 1) физиологию в тесном смысле слова, изучающую только объективные физиологические процессы, и 2) физиологию в обширном смысле слова, анализирующую также и субъективные психические переживания. Плеханов различает эти две науки потому, что интересующий нас мозговой процесс обладает двумя принципиально различными реальными проявлениями.

Поэтому мы считаем необходимым, во избежание злоупотреблений со стороны механистов, ясно, четко и определенно подчеркнуть, что в этих утверждениях Плеханова надо различать два момента:

1) взгляд Плеханова по существу и 2) его терминологию.

По существу взгляд Плеханова мы видим, что он различает, а не отождествляет физиологию в узком смысле слова, т. е. лишённую субъективного свойства, и физиологию в широком смысле слова, т. е. включающую в себе психическое. Поэтому мы ставим механистам вопрос по существу: признают ли они или отрицают у определенных физиологических механизмов особое свойство—субъективное.

Если они его не признают, то спор идет не о словах, не о терминах, а о существе, о реальном, но отрицаемом ими свойстве материи. Если же они признают наличие психики, как особого свойства определенных физиологических механизмов, то стоит ли создавать особое механическое направление в психологии из-за термина? Очевидно, что нет. Однако взгляд по существу заставляет искать такую терминологию, которая наиболее выпукло очерчивает разницу между физиологией в узком смысле слова и физиологией в широком смысле этого слова. А так как разница эта сводится к наличию субъективной переживаемости, то придается, по соображениям существа дела, предпочитать термин «психика», «психология». Вот почему, хотя Плеханов признает физиологию в широком смысле этого слова, т. е. со включением и психики, он говорит, однако, всюду об общественной психике, а не общественной физиологии.

Мысль о своеобразности психики как особого свойства материи проникает все больше и больше в науку. Ее признает целый ряд направлений в современной психологии, как те, которые ее изучают (эмпирическая психология, биологические направления, фрейдизм, гештальт-теория, марксисты-психологи), так (частично) и те, которые ее не изучают (школа Павлова) или колеблются в вопросе об ее изучении (школа Бехтерева).

¹ Т. XVII, стр. 185.

² Т. VII, стр. 112.